

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФОРМУЛА ПОБЕДЫ ИЛИ РЕЦЕПТ НЕУДАЧИ: ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ ПРИ ЗАЩИТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ?

Кирилл Александрович Шамшура (kirillshamshura@gmail.com)

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Шамшура К.А. (2026) Формула победы или рецепт неудачи: что определяет результативность гражданского участия при защите исторических объектов в российских городах? *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(2): 170–204. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.7> EDN: DIXEYU

Аннотация. Рассматриваются условия, влияющие на результаты гражданского участия при защите исторических объектов в российских городах. Работа опирается на теорию структуры политических возможностей, которая предполагает, что условия, формирующие структуру политических возможностей, оказывают наибольшее влияние на результат коллективных действий. На основе исследований общественных движений и городских конфликтов сформулирован набор из девяти условий, способных оказывать влияние на результаты гражданского участия. Шесть условий отнесены к структурным условиям, поскольку они являются внешними по отношению к активистам. Еще три отнесены к агентским условиям, которые в большей степени зависят от активистов. Далее все условия проверялись посредством качественного сравнительного анализа (QCA) 52 случаев защиты исторических объектов из трех российских городов — Санкт-Петербурга, Великого Новгорода и Пскова. Данные об этих случаях получены из материалов 25 структурированных интервью с активистами и экспертами, публикаций в СМИ и градозащитных сообществах в социальных сетях. Анализ показал, что на результаты гражданского участия влияют разные комбинации условий, в том числе сочетающие структурные и агентские условия. При этом обнаружена иерархия условий, в которой структурные условия имеют более важное значение, однако агентские условия также могут оказывать существенное влияние на результат. Установлено, что наиболее важными для успеха защитников наследия являются следующие структурные условия: 1) отсутствие коалиции власти и бизнеса; 2) охранный статус исторических объектов (особый правовой режим использования); 3) наличие у активистов союзников в региональных элитах; 4) отсутствие у защитников наследия влиятельных оппонентов. Наиболее важным агентским условием является способность активистов формировать коалиции и поддерживать высокий уровень согласованности действий.

Ключевые слова: активизм, гражданское участие, городские конфликты, градозащитные движения, культурное наследие.

В последние десятилетия активизм в области сохранения культурного наследия стал массовым явлением во всем мире (Meskell 2015; Mozaffari, Jones 2020; Roura-Exrósito 2023). Стремительное развитие городов, реализация инфраструктурных проектов, недостаточный учет мнения и потребностей местных жителей относительно использования исторических объектов часто приводят к возникновению общественных движений, выступающих в защиту наследия. Во многих случаях движения также выступают против так называемого вертикального подхода к управлению наследием (top-down), когда решения принимаются лишь на основе мнения представителей власти и экспертных оценок (Smith 2006). Некоторые из движений прямо бросают вызов властям и устоявшимся правилам игры, отстаивая свое право как на материальное, так и на нематериальное наследие (Hammami, Uzer 2022).

Не осталась в стороне от этих процессов и Россия. Во многих российских городах в 2000–2010-е годы общественные движения, выступающие за сохранение культурного наследия, стали заметными акторами публичного пространства, способными влиять на решения органов власти (Гладарев 2011; Argenbright 2016; Зверев 2016). В то же время эмпирические данные свидетельствуют о том, что результаты гражданского участия при защите исторических объектов существенно различаются. Например, в российских городах активистам нередко удается влиять на принятие решений органами власти и добиваться сохранения исторических объектов. Однако во многих случаях эти же самые активисты терпят неудачу.

Какие условия способствуют или препятствуют достижению целей активистов при защите исторических объектов? Большинство авторов, затрагивающих этот вопрос, рассматривают конфликтные взаимодействия по поводу исторических объектов в контексте исследования городской политики, градостроительных конфликтов и мобилизации локальных сообществ. При этом для сравнительного анализа обычно берется набор разнородных кейсов (Зуйкина 2017; Семенов 2019; Тыканова, Хохлова 2020). Реже встречаются исследования, детально анализирующие случаи защиты исторических объектов (Jones, Mozaffari, Jasper 2017; Чернышева, Хохлова 2021; Хохлова 2024). Тем не менее по-прежнему сохраняется недостаток знаний об условиях, влияющих на результаты гражданского участия при защите исторических объектов, а также о том, как эти условия сочетаются между собой. Ранее в литературе были описаны некоторые отдельные условия, способные влиять на результат. Однако слабо изучались комбинации условий, которые приводят к тому или иному результату.

В данной статье предпринята попытка проанализировать условия и комбинации условий, влияющие на результаты гражданского участия при защите исторических объектов в российских городах. Под гражданским участием в работе понимается «процесс, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие), с другими социально-политическими институтами / между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно-значимых задач» (Уханова 2020: 34–35).

Структуры политических возможностей и результаты действий активистов

Дискуссии о влиянии общественных движений ведутся уже довольно давно. Так, еще в 1970-е годы У. Гэмсон подразделял успешные результаты на приобретение выгод участниками общественного движения и признание властями представителей движения в качестве выразителей интересов определенных социальных групп (Gamson 1975). Например, в первом случае может быть принят нормативно-правовой акт или социальная программа, от которой выигрывают участники движения и(или) более широкий круг граждан, а во втором случае представители движения могут стать переговорщиками и(или) быть включены в состав консультативно-совещательных структур. На основе этих двух параметров У. Гэмсон выделил четыре варианта результатов: полный ответ (приобретение выгод и признание), упреждение (приобретение выгод без признания), кооптация (признание без приобретения выгод), провал (ни то ни другое). В дальнейшем исследователи пришли к выводу, что последствия деятельности общественных движений могут проявляться в различных сферах общественной жизни, включая непредвиденные и долгосрочные последствия (Guigni 1998). Причем последствия могут касаться как институциональной среды или социокультурных изменений в обществе, так и последующей жизни отдельных активистов. То есть последствия могут быть обнаружены как на индивидуальном, так и на более высоком уровне. В политической сфере результаты общественных движений также могут сильно различаться в зависимости от уровня, места и внешнего политического контекста (Amenta et al. 2005). Например, движения могут повлиять на формирование повестки дня и изменение общественного мнения, но быть не в силах изменить законодательство. Или движения могут способствовать принятию закона, но не способны повлиять на его реализацию в интересах своих сторонников. Однако даже неспособность

движения достичь главной цели может впоследствии привести к положительным косвенным результатам. К ним относятся, например, появление сетей активистов и создание социального капитала, которые могут способствовать социальной мобилизации в будущем (Diani 1997).

Необходимо сказать, что в исследованиях общественных движений существует серьезная методологическая проблема, связанная с определением степени вклада движений (Giugni 1998). Дело в том, что на результаты и последствия могут влиять условия, не имеющие прямого отношения к деятельности движений. В результате возникает вопрос о том, был ли результат обусловлен исключительно деятельностью активистов или чем-то еще, например внутриэлитными конфликтами. Другой важной проблемой является измерение успехов и неудач общественных движений из-за сложности в операционализации этих понятий, а также высокой степени субъективности при оценке (Amenta, Young 1999; Amenta 2014).

Среди исследователей нет единого мнения относительно влияния, которое движения могут оказывать на политико-управленческие решения (Amenta et al. 2010: 288). Часть авторов полагает, что движения не могут оказывать на них существенного влияния. Другие же говорят о способности общественных движений добиваться политических изменений. Однако в рамках данной дискуссии затрагиваются преимущественно крупные общественные движения, нацеленные на изменение политических институтов и политических курсов (Giugni, McAdam, Tilly 1999; Tilly, Wood 2015). В то же время известно, что сравнительно небольшие общественные движения и инициативные группы вполне успешно могут влиять на политико-управленческие решения на городском уровне (Mayer, Thörn, Thörn 2016; Бедерсон и др. 2021).

Результаты деятельности общественных движений долгое время объяснялись через организационные характеристики, способность мобилизовывать ресурсы и условия внешней среды (McAdam, McCarthy, Zald 1996). Наиболее острые дискуссии в литературе велись по поводу того, внешние или внутренние условия играют главную роль. Впоследствии возобладала позиция о комплексном воздействии разных условий (Giugni 2009). Также стали более глубоко рассматриваться социокультурные аспекты деятельности активистов (Jasper 2010). В целом же современные исследования свидетельствуют о том, что на результаты коллективных действий оказывают влияние комбинации условий, а не одно конкретное условие (Amenta et al. 2010). По сути, речь идет о присутствии сложных причинно-следственных связей, что демонстрирует постепенный отход исследователей общественных движений от однофакторных гипотез в сторону построения более сложных объяснительных моделей (Giugni

2007). В то же время теоретические модели, разработанные на основе крупных общественных движений, не позволяют объяснить различия в результатах деятельности активистов по защите исторических объектов на городском уровне.

Исследования городской политики и городских конфликтов демонстрируют множество условий, способных содействовать или препятствовать результативности действий активистов. Сравнительные исследования учитывают политический контекст, включая особенности городского политического режима, а также степень открытости городских властей к диалогу и удовлетворению требований граждан (Тыканова 2013). Подчеркивается, что вмешательство федеральных акторов и общественный резонанс на национальном уровне может повысить шансы активистов на успех (Смолева 2020). Влияет на исход оспаривания городских пространств выбранная активистами стратегия, а также сила и влияние девелопера (Dundua, Karaia, Tabatadze 2022). При рассмотрении стратегий и репертуара действий активистов исследователи выделяют активную или пассивную тактику в рамках четырех стратегий поведения — наступательной, примирительной, оборонительной и имитационной (Дука 2023). Где-то лидеры движений и инициативных групп идут на конфронтацию и протест, а где-то стремятся действовать иначе, в том числе отстаивать свои интересы в неформальном взаимодействии с представителями власти (Зверев 2017).

Исходы городских конфликтов исследователями связываются с развитостью инфраструктуры протеста (институционализация инициативной группы, координация усилий активистов, способность поддерживать коллективное действие в течение долгого времени, доступ к ресурсам); 2) политическим контекстом; 3) характером требований и протестных действий активистов (Тыканова, Хохлова 2020: 189–190). Кроме того, способствовать успеху активистов могут следующие условия: 1) наличие в составе инициативной группы носителей экспертного знания, представителей академического сообщества, юристов, опытных активистов, равнодушных представителей органов власти; 2) высокая степень сплоченности и нацеленности группы на результат; 3) заинтересованность локальных сообществ и личная причастность местных жителей к оспариваемым объектам; 4) решения судов в пользу инициативной группы; 5) независимая позиция федеральных властей (Зуйкина 2017: 94).

Следует отметить, что в деятельности городских общественных движений все сильнее стирается грань между протестом и институционализированным гражданским участием (McAdam et al. 2005; Lebuhn 2015). Немалую роль в этом играет открытие городских политических систем

для более широкого гражданского участия, что предоставляет инициативным группам больше возможностей для влияния на принятие политико-управленческих решений, включая вопросы городского планирования. Например, широкое распространение получили различные консультативно-совещательные структуры при органах власти (Applegate 1998). Эти структуры при участии в них чиновников, активистов и экспертов могут становиться площадками для обмена мнениями и согласования интересов в процессе подготовки политико-управленческих решений. Включение активистов в состав профильных консультативно-совещательных органов может становиться точкой доступа в политическую систему. Это позволяет активистам оказывать влияние на процессы принятия решений.

Результаты действий активистов по защите исторических объектов объясняются разными условиями, среди которых могут быть способности действующих акторов мобилизовывать ресурсы и выстраивать лобби-коалиции, а также формировать убедительные нарративы о культурном наследии (Lee 2016). Недавние исследования свидетельствуют о том, что политический контекст оказывает важное влияние на действия активистов, включая их способность к созданию нарративов, резонирующих с преобладающими в обществе культурными ценностями и политическими дискурсами (Li et al. 2024). Также на результативность действий активистов влияют характеристики самих исторических объектов, как, например, подлинность, аутентичность, традиционные методы постройки и строительные материалы (Uprety, Shrestha 2021).

Рассуждая о конфликтах вокруг исторических объектов надо понимать, что органы власти нередко отказывают гражданам, требующим не допустить разрушения исторических объектов или строительства новых сооружений, искажающих историко-культурный ландшафт и(или) историческую застройку городов. В некоторых случаях органы власти, формально ответственные за сохранение культурного наследия, встают на сторону бизнеса и не пресекают разрушение исторических объектов. В том числе органы власти могут поддерживать девелоперов, разрушающих исторические объекты, и препятствовать деятельности защитников наследия. Иногда подобные коалиции между крупным бизнесом и властями называют «машинами роста», когда власти пытаются пополнить местный или региональный бюджет с помощью привлечения бизнеса, продвигая интересы последнего (Тыканова, Хохлова 2015). Однако может существовать гораздо больше причин возникновения коалиций.

Данная статья опирается на теорию структуры политических возможностей, которая утверждает, что успех или неудача коллективных действий в значительной степени зависит от политического контекста и возмож-

ностей, открывающихся перед активистами в определенные моменты времени. Теория фактически возвращает к дискуссии о структуре и агентности при рассмотрении результатов коллективных действий, что позволяет применять ее для анализа гражданского участия. В то же время не существует единого подхода к определению структуры политических возможностей и универсальной терминологии, поскольку разные авторы по-разному трактуют политические возможности в зависимости от рассматриваемого общественного движения, времени и места. Классической можно считать структуру политических возможностей, включающую в себя четыре основные переменные: 1) относительную открытость или закрытость политической системы; 2) стабильность или нестабильность элитных групп; 3) способность общественных движений налаживать и сохранять партнерские отношения с представителями элитных групп; 4) склонность государства к репрессиям и возможность их проводить (McAdam, McCarthy, Zald 1996: 27). Считается, что эти показатели определяют, в какой степени будут облегчены или затруднены коллективные действия. Однако описанная модель не подходит для анализа гражданского участия при защите исторических объектов в одних и тех же городах на относительно коротком промежутке времени. По этой причине необходима разработка структуры политических возможностей для анализа гражданского участия в сфере охраны культурного наследия на городском уровне.

Для объяснения результатов участия граждан в защите отдельных исторических объектов на городском уровне мы формулируем шесть условий, которые составляют структуру политических возможностей. Эти условия являются внешними по отношению к активистам и формируют контекст. Среди них (1) открытость или закрытость политических систем для участия граждан; (2) наличие или отсутствие коалиций власти и бизнеса; (3) степень влияния оппонентов защитников наследия; (4) наличие или отсутствие вмешательства в конфликт федеральных акторов, способных оказать влияние в пользу защитников наследия; (5) наличие или отсутствие охранного статуса у исторического объекта (особый правовой режим); (6) наличие или отсутствие союзников у защитников наследия в региональных элитах.

Однако, учитывая частую критику теории структуры политических возможностей за структурный детерминизм, мы также добавляем в дальнейший сравнительный анализ еще три агентских условия, которые могут оказать влияние на результаты гражданского участия. Эти условия во многом зависят от самих активистов, в том числе способность защитников наследия создавать общественный резонанс, коалиционность и слаженность действий, а также способность проводить уличные протестные акции.

Под результатом гражданского участия в статье понимается условный успех или неудача инициативной группы. В качестве возможных результатов гражданского участия были выделены следующие: 1) полное достижение публично заявленных целей участников или частичное достижение целей (выполнение всех или минимального набора требований инициативной группы); 2) цели не были достигнуты, а требования участников не были удовлетворены (не был удовлетворен даже минимальный набор требований инициативной группы).

Учитывая широкий спектр мнений относительно результатов как среди участников, так и среди внешних наблюдателей, мы представляем требования активистов в виде условной шкалы, которая включает минимальные требования и максимальные требования (полное сохранение и(или) реставрация). Стоит отметить, что разные точки зрения среди активистов периодически приводили к серьезным внутренним конфликтам, сопровождавшимся обвинениями в работе на власть и(или) строительный бизнес. Например, в Санкт-Петербурге активисты группы ЭРА регулярно обвиняли участников ВООПИиК и движения «Живой город» в том, что те выбрали стратегию сотрудничества с властями и вошли в состав консультативно-совещательного органа при городском правительстве. Активисты группы ЭРА позиционировали себя как бескомпромиссных борцов за наследие, готовых к акциям прямого действия и протестам в защиту любых исторических объектов. В свою очередь, участники ВООПИиК и «Живого города» были готовы к поиску компромиссов с властями и старались действовать адресно, уделяя особое внимание наиболее важным историческим объектам, которые имеют больший шанс на спасение.

Методы исследования и эмпирические данные

Для анализа случаев гражданского участия при защите исторических объектов выбран метод качественного сравнительного анализа (QCA), относящийся к логико-комбинаторным методам (Berg-Schlosser et al. 2009). Преимуществами данного метода являются его способность выявлять сложные причинно-следственные связи, что позволяет строить сложные объяснительные модели, а также учитывать контекст и концентрироваться на выявлении причинно-следственных механизмов, объясняющих, как наличие (отсутствие) определенных условий (причин) приводит к определенным результатам. QCA опирается на теорию множеств и булеву алгебру. Он ориентирован на определение членства элемента в множестве, а также поиск отношений между множествами. Эти отношения могут быть интерпретированы через категории достаточных и необходимых условий

для возникновения определенного результата. Ключевыми в QCA считаются категории необходимых, но недостаточных условий (INUS — insufficient but necessary part of a condition which is itself unnecessary but sufficient for the result) и достаточных, но необязательных (SUIN — sufficient, but unnecessary part of a factor that is insufficient, but necessary for the result) (Schneider, Wagemann 2012: 79–80). Первая означает, что присутствие этого условия не гарантирует получение определенного результата, но его отсутствие гарантирует отсутствие этого результата. Например, чтобы сдать экзамен, необходимо к нему подготовиться, однако знания материала недостаточно для успешной сдачи экзамена, поскольку его можно не сдать из-за волнения или иных причин. При этом без знания материала экзамен сдать не получится. Вторая категория означает, что это условие не всегда присутствует, но может привести к определенному результату в сочетании с другими условиями. Например, при принятии решения о проведении реформы достаточным условием может быть сформированное общественное мнение в поддержку реформы. Однако оно не является необходимым (обязательным), так как правительство может принять решение о проведении реформы и при наличии негативного отношения к ней в обществе. Иными словами, поддержка правительства необходима для инициирования реформы, а поддержка общественного мнения — достаточна.

Метод качественного сравнительного анализа предполагает каузальную асимметрию, означающую, что одно и то же условие может играть разную роль в наличии или отсутствии определенного результата. Кроме того, для QCA характерна эквивиальность, когда получение одного и того же результата (зависимой переменной) может объясняться разными комбинациями условий (независимых переменных). То есть один и тот же результат может быть достигнут разными путями. Так как QCA базируется на булевой алгебре, то применяется двоичная (бинарная) переменная. Высказывания могут оцениваться только как истинные «1» (да) или ложные «0» (нет). Булева алгебра использует несколько основных операторов: логическое «И», представленное символом [*] (умножение), а также логическое «ИЛИ», представленное символом [+] (дополнение) (Rihoux, De Meur 2009: 34–35). Для обозначения связи между условиями и результатом используется символ стрелки [→]. Логические «И» могут записываться и без символа. Например, $A * B$ может быть записано как AB . Представленные операторы дают возможность строить сложные и длинные выражения, которые могут быть сведены к более простым при помощи так называемой «булевой минимизации». Она означает, что «если два булевых выражения отличаются только одним причинным условием,

но приводят к одному и тому же результату, то это причинное условие может быть признано нерелевантным и удалено с целью создания более простого комбинированного выражения» (Ragin 1987: 93). Таким образом, QCA позволяет обнаружить наиболее простые комбинации условий, которые приводят к тому или иному результату.

В статье применяется метод качественного анализа четких множеств (Crisp-Set QCA, csQCA), который работает с четкой логикой, где каждый случай либо полностью принадлежит множеству (значение «1»), либо полностью ему не принадлежит (значение «0»). При этом не может быть промежуточных значений, в отличие от метода качественного анализа нечетких множеств (fuzzy-set QCA, fsQCA), где допустима частичная принадлежность к множеству, представленная значением от «0» до «1».

Таким образом, результаты случаев защиты исторических объектов классифицируются как бинарная переменная, где «1» означает выполнение всех или минимального набора требований инициативной группы, а «0» означает то, что не был удовлетворен даже минимальный набор требований. Подразумевается, что в случае исхода «1» активистам удалось добиться сохранения исторического объекта настолько, насколько позволяло его физическое состояние. Нередко вмешательство активистов происходит в процессе демонтажа сооружения, часть которого уже подверглась разрушению. В таких случаях «1» будет означать, что инициативной группе удалось остановить полный демонтаж сооружения. У каждого рассматриваемого случая может быть только положительный (1) или отрицательный исход (0). Положительный исход обозначает условный успех инициативной группы, отрицательный — условную неудачу. При этом в рамках анализа не рассматриваются возможные непубличные цели активистов, а при оценке результата учитываются публично заявленные требования. Кроме того, в работе не ставится задачи измерения влияния движения в защиту культурного наследия в целом.

Выбор случаев базировался на следующих принципах. Во-первых, конфликт должен быть завершен либо заморожен (после вмешательства инициативной группы более года не предпринимается действий по демонтажу/строительству). Во-вторых, в конфликтных взаимодействиях должна присутствовать инициативная группа, публично выдвигающая требования к органам власти, формально ответственным за сохранение культурного наследия. Кроме того, в анализ мы не включали случаи, где отсутствовали общественные кампании. В-третьих, случаи должны были быть связаны с защитой конкретных исторических объектов. В качестве единиц сравнительного анализа рассматривались случаи конфликтного взаимодействия негосударственных и властных акторов вокруг исторических объектов.

В статье анализировались 52 случая гражданского участия при защите исторических объектов. Из них 34 случая произошли в Санкт-Петербурге в период с 2009 до 2024 г., 7 в Великом Новгороде в период с 2002 до 2024 г. и 11 в Пскове с 2002 до 2022 г. Для каждого города отдельно было проведено по два качественных сравнительных анализа (для успешных и неудачных случаев). Для проведения QSA использовалось программное обеспечение Tosmana. Важно подчеркнуть, что качественный сравнительный анализ ориентирован на использование генеральной совокупности всех случаев. Поэтому мы старались выявить как можно больше случаев, соответствующих изложенным выше критериям. Однако мы признаем, что некоторые случаи могли остаться незамеченными.

Хронологические рамки обусловлены следующим. Во-первых, в 2002 г. вступил в силу Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (от 25.06.2002 № 73), который заменил устаревшее советское законодательство и установил принципиально новую систему государственной охраны культурного наследия. Закон гарантировал сохранность объектов культурного наследия, регламентировал порядок их выявления и постановки на учет, а также определил правила их использования, сохранения и государственной охраны. Важным нововведением стало создание Единого государственного реестра объектов культурного наследия. Принятие этого закона позволило защитникам наследия активно бороться в рамках правового поля, оспаривая нарушения законодательства и действия (бездействие) властей, формально ответственных за сохранение наследия. Во-вторых, в 2009 г. вступил в силу уникальный для России региональный закон «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон» (от 19.01.2009 № 820-7), который направлен на целостное сохранение исторической застройки и планировки города. Согласно закону, историческая территория города делится на охранные зоны и зоны регулируемой застройки и хозяйственной деятельности, где возможность сноса исторических зданий / нового строительства запрещена или ограничена. В настоящее время под защитой этого закона находится около 14 тысяч исторических зданий, не являющихся объектами культурного наследия. Таким образом, с 2009 г. в Санкт-Петербурге сформировались новые и специфические правила, регулирующие градостроительную сферу, а активисты получили дополнительные возможности для борьбы.

Исследование опирается на материалы 25 полуструктурированных интервью с активистами и экспертами, участвовавшими в защите исто-

рических объектов (Санкт-Петербург N=15; Великий Новгород N=7; Псков N=3), а также публикации в СМИ (более 500) и градозащитных сообществах в социальных сетях.

Случаи выявлялись нами в процессе изучения эмпирических данных. Затем производилась реконструкция конфликтов, в ходе которой определялись причины конфликта, участники, результаты, а также наличие или отсутствие условий, описанных выше. Результатом стало создание таблиц, в которых отмечалось наличие или отсутствие условий и исход конфликтов.

При выборе городов мы руководствовались стратегией «наибольшего различия», согласно которой для сравнительного изучения отбираются случаи, относящиеся к качественно разным типам (Anckar 2020: 33–48). Основаниями для выделения таких типов стали следующие характеристики: 1) величина городов; 2) активность девелоперов в исторических центрах городов; 3) развитость общественных объединений в защиту культурного наследия. В то же время требовались следующие сходства: 1) высокая концентрация типологически разных исторических объектов; 2) наличие случаев защиты исторических объектов с разными исходами (не менее пяти случаев). Мы считаем, что использование стратегии «наибольшего различия» позволяет делать более надежные обобщения из-за различий в контексте и выявлять схожие паттерны в гражданском участии. Другими словами, наиболее важные условия, влияющие на результаты гражданского участия, будут присутствовать в разных контекстах. Санкт-Петербург, с одной стороны, и Псков с Великим Новгородом — с другой, демонстрируют разные контексты, в которых происходят случаи защиты исторических объектов.

Санкт-Петербург — это мегаполис и город федерального значения, в котором к концу XX в. сохранялась основная часть исторической застройки. Общественное движение в защиту культурного наследия в Санкт-Петербурге исторически было наиболее развитым и многочисленным по сравнению с другими российскими городами (Гладарев 2011). С конца 1990 — начала 2000-х годов исторический центр города испытывает серьезное давление со стороны крупного строительного бизнеса, что сопровождается регулярным сносом исторической застройки.

Псков и Великий Новгород являются сравнительно небольшими региональными центрами со схожим по численности населением. В первой половине XX в. эти города утратили значительную часть рядовой исторической застройки, однако сохранили относительно большое количество средневековой архитектуры и памятников археологии. Наличие обширного археологического культурного слоя оказывает существенное влияние

на регулирование застройки исторических центров Пскова и Великого Новгорода. В силу своего социально-экономического и географического положения Псков и Великий Новгород менее привлекательны для крупных девелоперских проектов, чем Санкт-Петербург и иные быстро развивающиеся мегаполисы. Вследствие этого для Пскова и Великого Новгорода менее характерны конфликты из-за разрушения исторических объектов для последующей застройки территории. Общественные организации по охране культурного наследия в Пскове и Великом Новгороде сравнительно малочисленны, а неформальные низовые инициативы не получили особого распространения.

Эмпирический анализ случаев гражданского участия

При проведении QCA мы ожидаем, что следующие девять условий могут оказывать влияние на результаты гражданского участия при защите исторических объектов. Первые шесть условий мы относим к структуре политических возможностей (условия, являющиеся внешними по отношению к защитникам наследия). Еще три связываем с деятельностью защитников наследия.

А. Относительная открытость или закрытость политической системы, которая выражается в готовности руководителей органов власти вести диалог с гражданами посредством консультативно-совещательных органов (КСО) или рабочих групп. Предполагается, что обсуждение проблемы между властями и защитниками наследия может способствовать успеху последних (значение «1»). Значение «0» означает, что обсуждение проблемы не проводилось.

В. Присутствие коалиции власти и бизнеса означает, что власть выступает на стороне девелопера. Мы фиксировали наличие коалиций в тех случаях, когда органы власти и руководители ведомств демонстрировали активную поддержку девелопера в публичных заявлениях, судебных процессах, при проведении общественных слушаний, а также нарушали законодательство при выдаче разрешений на снос и(или) строительство объектов (значение «0»). Кроме того, значение «0» ставилось в тех случаях, когда защитники наследия выступали против проектов, инициированных властями. В тех случаях, когда мы не фиксировали явной поддержки девелопера со стороны властей, ставилось значение «1». Важно отметить, что власти могут как открыто выступать на стороне застройщиков, так и избегать публичной демонстрации связей с ними. Во втором случае выявление коалиций между властями и бизнесом становится сложной, а иногда и невыполнимой задачей. При этом стоит учитывать, что в дискурсе акторов могут конструироваться

воображаемые коалиции при действительном отсутствии таковых (Тыканова, Хохлова 2015).

С. Влиятельность и ресурсы оппонентов защитников наследия, которыми чаще всего являются бизнес-структуры. Предполагается, что если оппонентом является крупная по региональным меркам компания, то это существенно снижает вероятность успеха защитников наследия (значение «0»). Если инициативная группа противостоит иным бизнес-структурам, то ставится значение «1».

Д. Вмешательство в конфликт влиятельных федеральных акторов, заявляющих о необходимости сохранения наследия (руководители федеральных государственных структур, научно-методические советы при федеральных органах исполнительной власти, академические структуры РАН). При наличии вмешательства указывалось значение «1». При отсутствии вмешательства ставилось значение «0».

Е. Охранный статус исторического объекта. При наличии охранного статуса ставилось значение «1», а при отсутствии — «0».

Ф. Наличие или отсутствие союзников защитников наследия в региональных элитах (союзники внутри политической системы). Если представители региональных элит публично выступают за сохранение исторического объекта и(или) в поддержку инициативной группы, то ставится значение «1». В иных случаях ставится значение «0».

Г. Общественный резонанс, рассматриваемый через частоту упоминаний конфликта в местных и региональных СМИ, блогах и социальных сетях, а также оценок участников конфликта. Наличие резонанса оценивалось как «1», а отсутствие — как «0».

Н. Коалиционность и слаженность действий защитников наследия. Наличие коалиции в защиту исторического объекта, состоящей из гражданских активистов, местных жителей, экспертов, политиков, журналистов и иных акторов, которая имеет ресурсы и возможности для длительной борьбы. Наличие координации и согласованности в действиях коалиции. Наличие условия отмечалось как «1», а отсутствие — как «0».

И. Протестные акции (митинги, демонстрации, шествия, народные сходы). Наличие протестных акций отмечалось как «1», а отсутствие — как «0».

Как уже было сказано, в литературе описано множество условий, способных влиять на результативность гражданского участия. Кроме этого, акторы могут самостоятельно конструировать и переосмысливать результаты и условия, что требует дополнительного изучения (Тыканова, Хохлова 2020). Тем не менее для проведения качественного сравнительного анализа были отобраны лишь наиболее часто упоминаемые условия во избежание перегрузки аналитической модели.

Отметим, что в литературе о городских конфликтах в качестве условия иногда фигурирует победа активистов в судебном процессе. Однако включение данного условия в качественный сравнительный анализ оказалось проблематичным по той причине, что во многих случаях защитники наследия не подавали судебных исков. Попытка применения качественного сравнительного анализа с переменной «победа защитников наследия в судебном процессе», где во многих случаях отсутствуют значения «0» (проигрыш) или «1» (выигрыш), привела бы к ошибке в расчетах и невозможности проведения минимизации в программном обеспечении Tosmana. Кроме того, в процессе сбора данных было выявлено, что в Пскове защитникам наследия не удалось победить ни в одном из трех судебных процессов (при 11 конфликтах). В Великом Новгороде защитники наследия лишь в одном из семи случаев подавали иск в суд. Причем, добившись победы в суде первой инстанции, защитники наследия не смогли добиться успеха в конфликте, поскольку их влиятельный оппонент смог оспорить решение суда и находился в коалиции с региональными властями.

После сбора данных был сформирован каталог случаев, включавший в себя информацию о причинах конфликтов, сроках, динамике, акторах, исходах и условиях. Далее были созданы таблицы истинности с исходом «достижение минимальных требований защитников наследия», где значение «1» означает наличие исхода (включение членства в множество) и «0» означает отсутствие исхода (исключение членства из множества).

Анализ случаев из Санкт-Петербурга

В Санкт-Петербурге для анализа было взято 34 случая (табл. 1).

Таблица 1

Случаи из Санкт-Петербурга

№	Название случая	Краткое название	Исход
1	Дом Юргенса	YURG	Успех
2	Дом Крутикова	KRUT	Успех
3	Блокадная подстанция	BPOD	Успех
4	Нарвская застава	NARZ	Успех
5	Дома на Тележной	TELZ	Успех
6	Конюшенное ведомство	KONV	Успех
7	Аракчеевские казармы	ARAK	Успех
8	Дом Рыжкина	RYZH	Успех
9	Дом Забелиной	ZABL	Успех
10	Дом Абазы	ABAZ	Успех

Окончание табл. 1

№	Название случая	Краткое название	Исход
11	Дом Сабаяевых-Замятиных	SABA	Успех
12	Особняк Салтыковой	SALT	Успех
13	Дом Шагина (Зыкова). Эпизод 1.	SHA1	Успех
14	Дом Шагина (Зыкова). Эпизод 2.	SHA2	Успех
15	Дом Изотова	IZOT	Успех
16	Здание станции Горская	GORS	Успех
17	Здания на Бакунина	BAKU	Успех
18	Здание бумажной фабрики	BUMF	Успех
19	Никольский рынок	NIKL	Успех
20	Особняк Назимова	NAZM	Успех
21	Корпус императорского стеклянного завода	STKL	Успех
22	Дорога в парке Александрино	ALEX	Успех
23	Башня Охта-центра	OHT1	Успех
24	Литературный дом	LITD	Провал
25	Здание на Ремесленной	REMS	Провал
26	Комплекс зданий завода «Бавария»	BAVA	Провал
27	Памятники археологии Охтинского мыса	OHT2	Провал
28	Дом Рогова	ROGV	Провал
29	Флигель дома Устинова	USTV	Провал
30	Корпуса торговых бань Екимовой	EKIM	Провал
31	Манеж лейб-гвардии Финляндского полка	FINL	Провал
32	Дом Басевича	BASE	Провал
33	Дом в Дегтярном переулке	DEGT	Провал
34	Пакгауз Варшавского вокзала	VARS	Провал

Была создана таблица истинности, в которой фиксировалось наличие или отсутствие каждого из условий в каждом конкретном случае (табл. 2).

В таблице 2 можно увидеть, что два случая (NIKL, ROGV) являются логически противоречивыми (contradictions) и в исходе отмечены как «С». Согласно логике качественного сравнительного анализа, оба этих случая должны были иметь положительный исход для защитников наследия. Однако в случае с Домом Рогова (ROGV) на исход повлияло решение девелопера незаконно снести здание в летний воскресный день, когда губернатор и председатель органа охраны памятников отсутствовали

Таблица 2

Таблица истинности для случаев из Санкт-Петербурга

CASE_ID	A	B	C	D	E	F	G	H	I	OUTCOME
OHT2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
DEGT	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
EKIM	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
BASE	0	0	0	1	0	0	1	1	0	0
USTV	0	0	0	1	0	0	1	1	1	0
OHT1	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1
FINL	0	0	1	0	0	0	1	1	0	0
ALEX	0	0	1	0	1	1	1	1	1	1
NARZ	0	0	1	1	0	1	1	1	1	1
SALT, SHA2	0	0	1	1	1	0	1	1	0	1
NIKL(1), ROGV(0)	1	0	1	1	1	1	1	1	1	C
GORS	0	1	0	0	0	0	0	1	0	1
STKL	0	1	1	0	1	0	0	1	0	1
BAKU, BUMF	0	1	1	0	1	0	1	1	0	1
NAZM	0	1	1	0	1	1	1	1	0	1
RYZH	0	1	1	1	1	0	0	1	0	1
REMS	1	0	0	0	1	1	1	1	0	0
LITD	1	0	0	1	1	1	1	1	1	0
BAVA	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0
BPOD	1	1	0	1	0	1	1	1	1	1
VARs	1	1	1	0	0	0	1	0	1	0
ZABL	1	1	1	0	0	0	1	1	0	1
ARAK	1	1	1	0	0	0	1	1	1	1
SHA1	1	1	1	0	0	1	0	1	0	1
SABA	1	1	1	0	1	0	1	0	0	1
KRUT, TELZ	1	1	1	0	1	0	1	1	0	1
YURG, IZOT	1	1	1	0	1	1	1	1	0	1

в городе. В последний рабочий день перед выходными заместитель председателя органа охраны памятников фактически лишил здание государственной охраны, а в воскресенье произошел снос. Несмотря на многолетнюю борьбу, когда здание уже получило предварительные меры защиты, в последний момент негативную роль сыграла готовность девелопера идти на нарушение закона и наличие чиновника, содействовавшего девелоперу. Некоторое время спустя этот чиновник ушел в отставку, а девелопер был оштрафован. Если бы здание не было снесено в те дни,

то, с большой вероятностью, зданию был бы присвоен статус объекта культурного наследия. Мы предполагаем, что параллельно велись переговоры между властями и застройщиком, с одной стороны, и между властями и защитниками наследия — с другой, в ходе которых власти давали сторонам конфликта разные обещания. Весьма вероятно также, что существовали проблемы с координацией действий внутри органов власти. Этот случай демонстрирует тот факт, что даже при наличии комбинации условий, которая должна была привести защитников наследия к успеху, может произойти трудно прогнозируемое событие, способное полностью изменить исход.

Далее были определены минимальные импликанты (prime implicants), представляющие собой минимальные комбинации условий, достаточные для результата (табл. 3).

Таблица 3

Минимальные импликанты для исходов «1»

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
$A\{0\} * B\{1\}$	RYZH GORS BAKU, BUMF NAZM STKL	6
$A\{0\} * E\{1\}$	RYZH SALT, SHA2 BAKU, BUMF NAZM STKL OHT1 ALEX	9
$A\{0\} * F\{1\}$	NARZ NAZM OHT1 ALEX	4
$B\{1\} * C\{0\}$	BPOD GORS	2
$B\{1\} * D\{1\}$	BPOD RYZH ABAZ	3
$B\{1\} * E\{1\}$	YURG, IZOT KRUT, TELZ KONV RYZH ABAZ SABA BAKU, BUMF NAZM STKL	12
$B\{1\} * F\{1\}$	YURG, IZOT BPOD KONV ABAZ SHA1 NAZM	7
$B\{1\} * G\{0\}$	RYZH SHA1 GORS STKL	4
$B\{1\} * H\{1\}$	YURG, IZOT KRUT, TELZ BPOD KONV ARAK RYZH ZABL ABAZ SHA1 GORS BAKU, BUMF NAZM STKL	16
$B\{1\} * I\{0\}$	YURG, IZOT KRUT, TELZ RYZH ZABL ABAZ SABA SHA1 GORS BAKU, BUMF NAZM STKL	14
$C\{1\} * D\{1\}$	NARZ RYZH ABAZ SALT, SHA2 NIKL, ROGV	7
$C\{1\} * F\{1\}$	YURG, IZOT NARZ KONV ABAZ SHA1 NIKL, ROGV NAZM ALEX	10
$D\{1\} * G\{0\}$	RYZH	1
$E\{0\} * F\{1\}$	BPOD NARZ SHA1	3

Окончание табл. 3

Импликаны	Объясненные случаи	Количество случаев
$F\{1\} * G\{0\}$	SHA1	1
$G\{0\} * H\{1\}$	RYZH SHA1 GORS STKL	4
$A\{0\} * C\{1\} * G\{0\}$	RYZH STKL	2
$A\{0\} * C\{1\} * I\{1\}$	NARZ ALEX	2
$A\{0\} * D\{0\} * I\{1\}$	ALEX	1
$A\{1\} * C\{0\} * E\{0\}$	BPOD	1
$A\{1\} * C\{1\} * H\{1\}$	YURG, IZOT KRUT, TELZ KONV ARAK ZABL ABAZ SHA1 NIKL, ROGV	11
$A\{1\} * D\{1\} * E\{0\}$	BPOD	1
$A\{1\} * D\{1\} * I\{0\}$	ABAZ	1
$A\{1\} * E\{0\} * G\{0\}$	SHA1	1
$A\{1\} * E\{0\} * H\{1\}$	BPOD ARAK ZABL SHA1	4
$A\{1\} * E\{0\} * I\{0\}$	ZABL SHA1	2
$A\{1\} * F\{0\} * H\{1\}$	KRUT, TELZ ARAK ZABL	4
$B\{0\} * C\{1\} * I\{1\}$	NARZ NIKL, ROGV ALEX	4
$B\{0\} * D\{0\} * I\{1\}$	ALEX	1
$C\{1\} * E\{0\} * G\{0\}$	SHA1	1
$C\{1\} * E\{1\} * G\{1\}$	YURG, IZOT KRUT, TELZ KONV ABAZ SABA SALT, SHA2 BAKU, BUMF NIKL, ROGV NAZM ALEX	15
$C\{1\} * E\{1\} * H\{1\}$	YURG, IZOT KRUT, TELZ KONV RYZH ABAZ SALT, SHA2 BAKU, BUMF NIKL, ROGV NAZM STKL ALEX	16
$C\{1\} * E\{1\} * I\{1\}$	KONV NIKL, ROGV ALEX	4
$C\{1\} * H\{1\} * I\{1\}$	NARZ KONV ARAK NIKL, ROGV ALEX	6
$D\{0\} * E\{1\} * I\{1\}$	KONV ALEX	2
$D\{0\} * F\{1\} * I\{1\}$	KONV ALEX	2
$D\{0\} * H\{1\} * I\{1\}$	KONV ARAK ALEX	3
$D\{1\} * E\{1\} * F\{0\}$	RYZH SALT, SHA2	3
$D\{1\} * E\{1\} * I\{0\}$	RYZH ABAZ SALT, SHA2	4
$D\{1\} * F\{1\} * I\{0\}$	ABAZ	1
$E\{1\} * F\{0\} * G\{1\}$	KRUT, TELZ SABA SALT, SHA2 BAKU, BUMF	7
$E\{1\} * F\{0\} * H\{1\}$	KRUT, TELZ RYZH SALT, SHA2 BAKU, BUMF STKL	8
$E\{1\} * G\{1\} * H\{0\}$	SABA	1
$A\{1\} * B\{0\} * C\{1\} * G\{1\}$	NIKL, ROGV	2

$A\{1\} * C\{1\} * G\{1\} * I\{0\}$	YURG, IZOT KRUT, TELZ ZABL ABAZ SABA	7
$A\{1\} * F\{0\} * G\{1\} * I\{0\}$	KRUT, TELZ ZABL SABA	4
$A\{1\} * G\{1\} * H\{0\} * I\{0\}$	SABA	1
$C\{1\} * G\{1\} * H\{0\} * I\{0\}$	SABA	1

После этого для поиска простейших логических выражений была проведена логическая минимизация. Она показала, что ни одно из девяти условий не является необходимым (обязательным) для достижения целей защитников наследия. Два логически противоречивых случая были исключены из минимизации.

В результате получены следующие формулы:

$$A\{0\}F\{1\} + B\{1\}H\{1\} + C\{1\}E\{1\}G\{1\},$$

а также $A\{0\}F\{1\} + B\{1\}H\{1\} + E\{1\}F\{0\}G\{1\}$.

В данных формулах символ «*» означает логическое И, символ «+» означает логическое ИЛИ, а символ «=>» означает причинно-следственную связь. Значение «{1}» обозначает включение членства в множество (наличие условия). Данную формулу также можно выразить с принадлежностью случаев (табл. 4). Каждая из формул позволяет объяснить определенный набор случаев. При этом нет универсальной формулы, способной объяснить сразу все случаи.

Таблица 4

**Результаты логической минимизации
таблицы истинности для исхода «1»**

$A\{0\} * F\{1\} +$	$B\{1\} * H\{1\} +$	$C\{1\} * E\{1\} * G\{1\} => 1$
(NARZ+NAZM+OHT1+ALEX)	(YURG,IZOT+KRUT,TELZ+BPOD+KONV+ARAK+RYZH+ZABL+ABAZ+SHA1+GORS+BAKU,BUMF+NAZM+STKL)	(YURG,IZOT+KRUT,TE LZ+KONV+ABAZ+SABA+A+SALT,SHA2+BAKU,BUMF+NAZM+ALEX)
$A\{0\} * F\{1\} +$	$B\{1\} * H\{1\} +$	$E\{1\} * F\{0\} * G\{1\} => 1$
(NARZ+NAZM+OHT1+ALEX)	(YURG,IZOT+KRUT,TELZ+BPOD+KONV+ARAK+RYZH+ZABL+ABAZ+SHA1+GORS+BAKU,BUMF+NAZM+STKL)	(KRUT,TELZ+SABA+SALT,SHA2+BAKU,BUMF)

Каждая из полученных формул состоит из трех частей. Каждая из этих частей по отдельности может приводить к одному и тому же результату (эквивифинальность). Две первые части формул являются одинаковыми, что свидетельствует об их особой значимости. Отличие имеют последние части формул.

Согласно первой части формул, успех защитников наследия объясняется наличием союзников в региональных элитах ($F\{1\}$), даже если конфликт не обсуждался в рамках КСО или рабочих групп ($A\{0\}$). Несмотря на то что не была подтверждена значимость обсуждения проблемы в рамках КСО или рабочих групп, необходимо сказать, что в некоторых случаях, например в конфликте вокруг Блокадной подстанции и Конюшенного ведомства, именно КСО принимал решения, обеспечивающие защиту этих объектов.

Вторая часть формул демонстрирует особую важность отсутствия коалиций власти и бизнеса ($B\{1\}$), а также коалиционности и слаженности действий защитников наследия ($H\{1\}$). На наш взгляд, это может свидетельствовать о существовании иерархии условий, когда агентские условия приобретают значимость в рамках благоприятного или неблагоприятного контекста. То есть не только структура политических возможностей имеет значение, хотя она играет первостепенную роль.

Третья часть первой формулы ($C\{1\}E\{1\}G\{1\}$) показывает важность отсутствия влиятельных оппонентов защитников наследия, наличие охранного статуса у исторического объекта, а также общественный резонанс. Эта комбинация условий тоже демонстрирует связь действий активистов со структурой политических возможностей. Однако следует отметить, что возможность создания общественного резонанса во многом зависит от наличия СМИ, готовых озвучивать проблему, а также от ценности самого исторического объекта для местных жителей. Так, во втором конфликте активистов с «Газпромом» по поводу застройки Охтинского мыса, начавшемся в 2020 г., большинство СМИ не стали озвучивать проблему. Горожане также не особенно интересовались угрозой утраты археологических памятников, скрытых под землей. В то же время в случае с конфликтом вокруг проекта строительства небоскреба на том же месте в конце 2000-х годов на сторону активистов встали тысячи жителей города и многие СМИ.

Третья часть второй формулы ($E\{1\}F\{0\}G\{1\}$) показывает, что для успеха защитников наследия может быть достаточно наличия у объекта охранного статуса и общественного резонанса, даже при отсутствии союзников в региональных элитах. Отметим, что в пяти из семи объясняемых этой комбинацией случаев отсутствовали коалиции власти и бизнеса. В двух случаях (SALT, SHA2) имелись коалиции власти и девелоперов,

но на стороне защитников наследия выступил глава Следственного комитета РФ, который лично приехал на место конфликта. Поэтому здесь можно говорить о вмешательстве представителей федеральных элит. Кроме того, отметим, что во многих случаях в минимальных импликантах содержится указание на важность вмешательства федеральных акторов на стороне защитников наследия ($B\{1\}D\{1\}$ и $C\{1\}D\{1\}$).

Для уточнения результатов проведен качественный сравнительный анализ на предмет условий, препятствующих достижению целей защитников наследия. Сначала были определены минимальные импликанты (табл. 5).

Таблица 5

Минимальные импликанты для исходов «0»

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
$A\{0\} * H\{0\}$	OHT2 DEGT	2
$A\{1\} * B\{0\}$	NIKL, ROGV LITD REMS BAVA	5
$B\{0\} * G\{0\}$	BAVA OHT2	2
$B\{0\} * H\{0\}$	BAVA OHT2 DEGT	3
$C\{0\} * H\{0\}$	OHT2 DEGT	2
$E\{0\} * H\{0\}$	OHT2 DEGT VARS	3
$G\{0\} * H\{0\}$	BAVA OHT2	2
$H\{0\} * I\{1\}$	VARS	1
$A\{0\} * F\{0\} * I\{1\}$	USTV	1
$A\{1\} * C\{0\} * D\{0\}$	REMS	1
$A\{1\} * C\{0\} * E\{1\}$	LITD REMS	2
$A\{1\} * C\{0\} * I\{0\}$	REMS	1
$A\{1\} * E\{1\} * G\{0\}$	BAVA	1
$A\{1\} * F\{0\} * G\{0\}$	BAVA	1
$B\{0\} * C\{0\} * D\{0\}$	REMS OHT2 EKIM DEGT	4
$B\{0\} * C\{0\} * E\{0\}$	OHT2 USTV EKIM BASE DEGT	5
$B\{0\} * C\{0\} * F\{0\}$	OHT2 USTV EKIM BASE DEGT	5
$B\{0\} * C\{0\} * I\{0\}$	REMS OHT2 EKIM BASE DEGT	5
$B\{0\} * D\{0\} * E\{0\}$	OHT2 EKIM FINL DEGT	4
$B\{0\} * D\{0\} * F\{0\}$	BAVA OHT2 EKIM FINL DEGT	5
$B\{0\} * D\{0\} * I\{0\}$	REMS BAVA OHT2 EKIM FINL DEGT	6
$B\{0\} * E\{0\} * F\{0\}$	OHT2 USTV EKIM FINL BASE DEGT	6
$B\{0\} * E\{0\} * I\{0\}$	OHT2 EKIM FINL BASE DEGT	5
$B\{0\} * F\{0\} * I\{1\}$	USTV	1
$B\{0\} * F\{1\} * I\{0\}$	REMS	1

Окончание табл. 5

Импликаны	Объясненные случаи	Количество случаев
$C\{0\} * D\{0\} * E\{1\}$	REMS	1
$C\{0\} * D\{0\} * F\{1\}$	REMS	1
$C\{0\} * D\{0\} * G\{1\}$	REMS EKIM DEGT	3
$C\{0\} * D\{1\} * F\{0\}$	USTV BASE	2
$C\{0\} * D\{1\} * I\{0\}$	BASE	1
$C\{0\} * E\{1\} * I\{0\}$	REMS	1
$C\{0\} * F\{0\} * G\{1\}$	USTV EKIM BASE DEGT	4
$C\{0\} * F\{0\} * I\{1\}$	USTV	1
$C\{0\} * F\{1\} * I\{0\}$	REMS	1
$C\{0\} * G\{1\} * I\{0\}$	REMS EKIM BASE DEGT	4
$D\{1\} * E\{0\} * F\{0\}$	USTV BASE	2
$D\{1\} * E\{0\} * I\{0\}$	BASE	1
$D\{1\} * F\{0\} * I\{1\}$	USTV	3
$A\{0\} * C\{0\} * D\{1\} * E\{0\}$	USTV BASE	2
$A\{0\} * C\{0\} * E\{0\} * G\{1\}$	USTV EKIM BASE DEGT	4
$A\{0\} * C\{0\} * E\{0\} * I\{1\}$	USTV	1
$A\{0\} * C\{1\} * D\{0\} * E\{0\}$	FINL	1
$A\{0\} * C\{1\} * E\{0\} * F\{0\}$	FINL	1
$A\{0\} * C\{1\} * E\{0\} * I\{0\}$	FINL	1
$A\{0\} * D\{0\} * E\{0\} * G\{1\}$	EKIM FINL DEGT	3
$A\{0\} * E\{0\} * F\{0\} * G\{1\}$	USTV EKIM FINL BASE DEGT	5
$A\{0\} * E\{0\} * G\{1\} * I\{0\}$	EKIM FINL BASE DEGT	4
$A\{1\} * C\{1\} * D\{1\} * I\{1\}$	NIKL, ROGV	2
$A\{1\} * D\{1\} * E\{1\} * I\{1\}$	NIKL, ROGV LITD	3
$C\{1\} * D\{1\} * E\{1\} * I\{1\}$	NIKL, ROGV	2
$B\{0\} * C\{1\} * D\{1\} * E\{1\} * F\{1\}$	NIKL, ROGV	2

После этого для поиска простейших логических выражений проведена логическая минимизация. В результате получены три формулы (табл. 6).

Все три формулы состоят из трех частей. Первая часть формул везде одинаковая ($A\{1\}B\{0\}$). Она показывает, что наличие коалиций власти и бизнеса ведет к поражению защитников наследия, даже если проблема поднималась на заседаниях КСО или рабочих групп с участием защитников наследия.

Вторая часть формул в двух случаях одинаковая ($E\{0\}H\{0\}$). Согласно ей, защитники наследия терпят поражение, когда исторический объект

Таблица 6

**Результаты логической минимизации таблицы истинности
для исхода «0»**

$A\{1\}B\{0\} +$	$E\{0\}H\{0\} +$	$B\{0\}E\{0\}F\{0\} => 0$
LITD+REMS+BAVA	OHT2+DEGT+VAR5	OHT2+USTV+EKIM+FINL+BASE+DEGT
$A\{1\}B\{0\} +$	$E\{0\}H\{0\} +$	$A\{0\}E\{0\}F\{0\}G\{1\} => 0$
LITD+REMS+BAVA	OHT2+DEGT+VAR5	USTV+EKIM+FINL+BASE+DEGT
$A\{1\}B\{0\} +$	$H\{0\}I\{1\} +$	$B\{0\}E\{0\}F\{0\} => 0$
LITD+REMS+BAVA	VAR5	OHT2+USTV+EKIM+FINL+BASE+DEGT

не имеет охранного статуса, а также когда нет коалиции в защиту объекта и согласованности действий активистов. Во второй части третьей формулы ($H\{0\}I\{1\}$) мы видим случай, когда отсутствие согласованности действий внутри коалиции и недостаточно обдуманные протестные акции части активистов привели к неудаче. В третьей части формул в двух комбинациях ($B\{0\}E\{0\}F\{0\}$) к поражению защитников наследия привели наличие коалиции власти и бизнеса, отсутствие охранного статуса объекта, а также отсутствие союзников в региональных элитах. Другая комбинация показывает ($A\{0\}E\{0\}F\{0\}G\{1\}$), что к провалу привели отсутствие взаимодействия защитников наследия и власти в рамках КСО или рабочих групп, отсутствие охранного статуса у объекта и отсутствие союзников в региональных элитах. При этом не помогло наличие общественного резонанса.

Анализ случаев из Пскова

Далее по той же схеме были рассмотрены случаи гражданского участия в Пскове и окрестностях. Выборка составила 11 случаев, представленных в таблице 7.

Таблица 7

Случаи защиты исторических объектов в Пскове

№	Название случая	Краткое название	Исход
1	Дом у Покровской башни	POKR	Провал
2	Высотка на ул. Ижорского батальона	IZHB	Провал
3	Золотая набережная	ZNAB	Провал
4	Новый торг Пскова	NOVT	Провал
5	Инсталляция «Россия начинается здесь»	ROSN	Провал
6	Реконструкция набережной реки Великая	NABV	Успех
7	Снетогорский монастырь	SNTG	Успех

Окончание табл. 7

№	Название случая	Краткое название	Исход
8	Выбуты	VYBT	Успех
9	Церковь Успения в Мелетово	MELT	Успех
10	Дом управляющего Штейна	SHTN	Успех
11	Часовня Святой Анастасии	ANAS	Успех

Сформирована таблица истинности (табл. 8) и выявлены минимальные импликанты для успешных исходов (табл. 9).

Таблица 8

Таблица истинности для случаев из Пскова

CASE_ID	A	B	C	D	E	F	G	H	I	OUTCOME
POKR	1	0	1	0	1	0	1	1	0	0
IZHB	1	0	1	0	1	0	1	0	0	0
ZNAB	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0
NOVT	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0
ROSN	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0
NABV	1	1	1	0	0	1	1	1	0	1
SNTG	0	1	1	0	1	0	1	1	0	1
VYBT	1	1	1	0	1	1	1	1	0	1
MELT	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1
SHTN	1	1	1	0	1	0	1	0	0	1
ANAS	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1

Таблица 9

Минимальные импликанты для исходов «1»

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
B{1}	SNTG VYBT NABV MELT, ANAS SHTN	6
E{0}	NABV	1
F{1}	VYBT NABV MELT, ANAS	4
A{0}*H{1}	SNTG	1
A{1}*D{1}	MELT, ANAS	2
D{1}*G{1}	MELT, ANAS	2
D{1}*H{1}	MELT, ANAS	2
A{0}*C{1}*G{1}	SNTG	1

Логическая минимизация таблицы истинности продемонстрировала лишь один путь, ведущий к достижению цели защитников наследия, —

отсутствие коалиции власти и бизнеса $V\{1\}$, покрывающий все шесть случаев с исходом «1». При этом обратим внимание на то, что хотя в результате логической минимизации в формуле осталось лишь условие $V\{1\}$, в четырех из шести успешных случаев имелось условие $F\{1\}$. Это говорит о важности наличия у активистов союзников в региональных элитах. Затем выявлены минимальные импликанты для случаев, закончившихся поражением защитников наследия (табл. 10).

Таблица 10

Минимальные импликанты для исходов «0»

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
$V\{0\}$	POKR IZHB ZNAB ROSN NOVТ	5
$C\{0\}$	ZNAB	1
$G\{0\}$	ROSN NOVТ	2
$A\{0\} * D\{1\}$	NOVТ	1
$A\{0\} * H\{0\}$	ZNAB ROSN NOVТ	3
$D\{1\} * F\{0\}$	NOVТ	1
$D\{1\} * H\{0\}$	NOVТ	1
$A\{1\} * F\{0\} * H\{1\}$	POKR	1

После этого была проведена логическая минимизация для исходов «0», которая показала, что к поражению защитников наследия ведет наличие коалиции власти и бизнеса $V\{0\}$, что покрывает все пять случаев неудач. Также существенное влияние оказывает наличие союзников в региональных элитах. Если органы власти поддерживают девелопера, в том числе идут на нарушения законодательства при выдаче разрешений на строительство (POKR, IZHB), то защитники наследия не могут этому противостоять. В одном из случаев (ROSN) в качестве оппонентов активистов выступали исключительно местные и региональные власти, нашедшие возможность обойти формальные требования законодательства и реализовать проект.

Анализ случаев из Великого Новгорода

Следующими анализировались случаи из Великого Новгорода. Для этого было отобрано семь случаев (табл. 11).

Таблица 11

Случаи защиты исторических объектов в Великом Новгороде

№	Название случая	Краткое название	Исход
1	Троицкий раскоп	TROI	Успех
2	Историко-культурный ландшафт Юрьева монастыря	YURV	Успех

Окончание табл. 11

№	Название случая	Краткое название	Исход
3	Спас на Нередице	NERD	Успех
4	Строительство на плитах поверх культурного слоя	PLIT	Успех
5	Историко-культурный ландшафт Хутынского монастыря	HUTM	Провал
6	Дом Передольского	PERD	Провал
7	Баня на Набережной	BANN	Провал

После изучения этих случаев сформирована таблица истинности (табл. 12), выявлены минимальные импликанты (табл. 13), а затем проведена логическая минимизация таблицы истинности.

Таблица 12

Таблица истинности для случаев из Великого Новгорода

CASE_ID	A	B	C	D	E	F	G	H	I	OUTCOMES
HUTM	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
NERD	0	1	1	0	1	0	0	0	0	1
TROI	0	1	1	0	1	1	1	1	0	1
PERD	1	0	0	0	1	0	1	1	0	0
YURV	1	0	1	1	1	1	1	1	0	1
BANN	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0
PLIT	1	1	1	1	1	0	0	1	0	1

Таблица 13

Минимальные импликанты для исходов «1» в Великом Новгороде

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
D{1}	YURV PLIT	2
F{1}	TROI YURV	2
A{0} * B{1}	TROI NERD	2
A{0} * E{1}	TROI NERD	2
A{0} * G{1}	TROI	1
A{0} * H{1}	TROI	1
B{1} * E{1}	TROI NERD PLIT	3
B{1} * G{1}	TROI	1
B{1} * H{1}	TROI PLIT	2
C{1} * E{1}	TROI YURV NERD PLIT	4
C{1} * G{1}	TROI YURV	2

Окончание табл. 13

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
$C\{1\} * H\{1\}$	TROI YURV PLIT	3
$E\{1\} * G\{0\}$	NERD PLIT	2
$E\{1\} * H\{0\}$	NERD	1
$G\{0\} * H\{1\}$	PLIT	1
$A\{1\} * B\{0\} * C\{1\}$	YURV	1

В результате выявлено, что достижению целей защитников наследия способствует комбинация условий $C\{1\}E\{1\} \Rightarrow 1$, покрывающая все четыре случая с исходом «1». Это значит, что в Великом Новгороде наиболее важными являются отсутствие влиятельного девелопера $C\{1\}$ и наличие охранного статуса у исторического объекта $E\{1\}$. Кроме того, важную роль играет комбинация $B\{1\}E\{1\}$, которая объясняет три из четырех случаев успеха. Отсутствие коалиции власти и бизнеса, а также наличие охранного статуса способствуют успеху защитников наследия.

Сложнее обстоит дело с анализом случаев с исходом «0» ввиду их малочисленности. Нам удалось выявить минимальные импликанты (табл. 14), но не удалось провести минимизацию из-за нехватки данных.

Таблица 14

Минимальные импликанты для исходов «0» в Великом Новгороде

Импликанты	Объясненные случаи	Количество случаев
$C\{0\}$	PERD	1
$E\{0\}$	HUTM BANN	2
$A\{0\} * B\{0\}$	HUTM	1
$A\{1\} * D\{0\}$	PERD BANN	2
$A\{1\} * H\{0\}$	BANN	1
$B\{0\} * D\{0\}$	HUTM PERD	2
$B\{0\} * F\{0\}$	HUTM PERD	2
$B\{0\} * G\{0\}$	HUTM	1
$B\{0\} * H\{0\}$	HUTM	1
$F\{0\} * G\{1\}$	PERD	1
$D\{0\} * F\{0\} * H\{1\}$	PERD	1

Однако из таблицы 14 видно, что основная часть неудач объясняется отсутствием охранного статуса ($E\{0\}$), обсуждением проблемы на заседании КСО и отсутствием вмешательства федеральных акторов ($A\{1\}D\{0\}$), наличием коалиции власти и бизнеса и отсутствием вмешательства феде-

ральных акторов ($B\{0\}D\{0\}$), наличием коалиции власти и бизнеса и отсутствием союзников в региональных элитах ($B\{0\}F\{0\}$).

Противоречие с КСО связано с конфликтом вокруг здания 1937 года постройки (Баня № 1), которое было снесено собственником, после того как консультативно-совещательный орган при Инспекции государственной охраны культурного наследия Новгородской области предложил признать сооружение объектом культурного наследия. При этом после сноса здания в 2019 г. собственник на этом месте так ничего и не построил. Несмотря на утрату здания, в защиту которого выступали общественные объединения, конфликт имел последствия. Так, мэр Великого Новгорода в эфире регионального телевидения выступил с инициативой составить список исторических объектов, которые, по мнению жителей, должны стать объектами культурного наследия. Отметим, что с того времени в городе не было публичных скандалов по поводу сноса исторических объектов.

Заключение

Исследование показало, что на результаты гражданского участия в защите исторических объектов влияют различные сочетания условий, включающие как структурные, так и агентские условия. Это может свидетельствовать о существовании иерархии условий, где при сочетании благоприятных комбинаций внешних условий и ряда агентских условий защитники наследия имеют более высокие шансы на успех. Однако отсутствие каких-либо действий активистов по защите исторического объекта или выбор неподходящей стратегии действий, скорее всего, приведет к утрате объекта независимо от контекста.

Полученные комбинации условий различаются в каждом из рассматриваемых городов. Набор случаев из Санкт-Петербурга демонстрирует наибольшее количество комбинаций. Наиболее значимыми условиями являются наличие или отсутствие коалиций власти и бизнеса, союзников в региональных элитах, коалиционности и слаженности действий защитников наследия, охранного статуса у объекта, а также общественного резонанса. Полученные комбинации можно объяснить сложностью городской политики, большим количеством акторов, неоднородностью самого движения за сохранение наследия, а также относительно большим количеством конфликтов вокруг исторических объектов.

Данные о случаях гражданского участия из Пскова указывают на то, что решающим является лишь одно условие — наличие или отсутствие коалиции власти и бизнеса. Если региональное и(или) городское руководство активно поддерживает реализацию девелоперского проекта,

то у защитников наследия не получается добиться успеха. Однако если власти займут нейтральную позицию или, что еще важнее, выступят против реализации проекта, то активисты могут добиться своих целей. Мы предполагаем, что такая ситуация возникла из-за низкого уровня гражданской активности, малочисленности и относительной слабости общественных объединений, что мешает защитникам наследия добиваться успеха в конфликтах против коалиций власти и бизнеса.

В Великом Новгороде наиболее важным сочетанием условий является наличие или отсутствие у защитников наследия влиятельного оппонента, а также правовой статус исторического объекта. Наличие или отсутствие коалиций власти и бизнеса также может объяснить многие случаи. На наш взгляд, сложившаяся комбинация условий объясняется тем, что в XX в. Великий Новгород утратил большую часть исторической застройки, а сохранившиеся сооружения в основном находятся под государственной охраной. По этой причине реализация девелоперских проектов сопряжена с необходимостью строгого соблюдения требований законодательства. Наличие большого количества археологических памятников также накладывает существенные ограничения. Однако влиятельные оппоненты могут вступать в коалиции с властями и пытаться обойти требования закона. Кроме того, некоторые случаи гражданского участия как в Великом Новгороде, так и в Пскове связаны с требованиями консервации и(или) реставрации ценных средневековых объектов. В подобных случаях важным условием является вмешательство федеральных акторов с целью оказать влияние на действия региональных властей.

Говоря о перспективах дальнейших исследований гражданского участия в сфере охраны культурного наследия, можно выделить несколько направлений. Так, представляется весьма перспективным изучение адаптации активистов к изменениям структуры политических возможностей. Кроме того, важен сравнительный анализ различий в действиях активистов в благоприятных и неблагоприятных внешних условиях.

Литература / References

Бедерсон В.Д., Желнина А.А., Запорожец О.Н., Минаева Э.Ю., Семенов А.В., Тыканова Е.В., Хохлова А.М., Чернышева Л.А., Шевцова И.К. (2021) *Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России*. СПб.: ФНИСЦ РАН.

Bederson V.D., Zhelnina A.A., Zaporozhets O.N., Minaeva E.Yu., Semenov A.V., Tykanova E.V., Khokhlova A.M., Chernyshova L.A., Shevtsova I.K. (2021) *The city of forking streets: trajectories of urban conflict development in Russia*. St. Petersburg: FCTAS RAS (in Russian).

Гладарев Б. (2011) Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. Хархордин О. (ред.) *От общественного к публичному*. СПб.: ЕУСПб: 71–304.

Gladarev B. (2011) Historical and cultural heritage of St. Petersburg: the birth of the public from the spirit of the city. In: O. Kharkhordin (ed.) *From the common to the public*. St. Petersburg: EUSP Press: 71–304 (in Russian).

Дука А.В. (2023) Политический режим и возможности протестной активности. *Актуальные проблемы Европы*, 3(119): 32–54.

Duka A.V. (2023) Political regime and opportunities for protest activity. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], 3(119): 32–54 (in Russian).

Зверев А.А. (2016) «Мы наш, мы новый мир построим!» Факторы эволюции движения по охране памятников в Москве (1990–2015 гг.). *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 12(1): 90–105.

Zverev A.A. (2016) “We will build our new world!” Factors of the evolution of the movement for the defense of monuments in Moscow (1990–2015). *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], 12(1): 90–105 (in Russian).

Зверев А.А. (2017) Политическое измерение охраны памятников в России: кейс московского движения Архнадзор. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 19(2): 118–129.

Zverev A.A. (2017) The political dimension of monuments protection in Russia: the case of Moscow movement Arhnadzor. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of RUDN University. Political science], 19 (2): 118–129 (in Russian).

Зуйкина А.С. (2017) Факторы успеха и «провала» в деятельности локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства (на примере города Перми). *История пермского городского самоуправления в XVIII–XXI вв.: генезис, развитие, трансформация*. Пермь: Новопринт: 85–94.

Zuykina A.S. (2017) Factors of success and «failure» in the local communities activities in situations of urban space contestation (case of Perm). In: *The history of Perm urban self-government in the XVIII–XXI centuries: the genesis, development, transformation*. Perm: Novoprint: 85–94 (in Russian).

Семенов А.В. (2019) Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России. *Социологические исследования*, (12): 29–37.

Semenov A.V. (2019) The roots of the grass: patterns of grassroots urban mobilization in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (12): 29–37 (in Russian).

Смолева Е.О. (2020) Практики гражданского участия в благоустройстве и развитии городской среды. *Society and security insights*, 3(1): 76–89.

Smoleva E.O. (2020) Practices of civic participation in the improvement and development of the urban environment. *Society and security insights*, 3(1): 76–89 (in Russian).

Тыканова Е.В. (2013) Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16(3): 112–123.

Tykanova E.V. (2013) The influence of urban political regimes on the course of contesting urban space (the examples of St. Petersburg and Paris). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 16(3): 112–123 (in Russian).

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2015) Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство. *Журнал исследований социальной политики*, 13(2): 241–256.

Tykanova E.V., Khokhlova A.M. (2015) Urban political regime in St. Petersburg: The role of real and imagined “growth machines” in the struggle for urban space. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 13(2): 241–256 (in Russian).

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2020) Конструирование исходов городских локальных конфликтов в дискурсе активистов и экспертов (случай Нижнего Новгорода). *Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений*. Вологда: ВолНЦ РАН: 185–191.

Tykanova E.V., Khokhlova A.M. (2020) The social construction of the outcomes of local urban conflicts in the discourse of activists and experts (the case of Nizhny Novgorod). In: *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements*. Vologda: VolRC RAS: 185–191 (in Russian).

Уханова Ю.В. (2020) Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(3): 25–50.

Ukhanova Yu.V. (2020) The phenomenon of civic participation in scientific discourse: theoretical and methodological background of the research. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(3): 25–50 (in Russian).

Хохлова А.М. (2024) В поисках языка легитимации: фреймирование ценности оспариваемых городских объектов в Нижнем Новгороде. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 202–237.

Khokhlova A.M. (2024) In search of the language of legitimation: framing the value of contested city objects in Nizhny Novgorod. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 202–237 (in Russian).

Чернышева Л.А., Хохлова А.М. (2021) Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий. *Журнал исследований социальной политики*, 19(2): 223–238.

Chernysheva L.A., Khokhlova A.M. (2021) Creating value and authenticity: Urban conflicts around historical buildings. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 19(2): 223–238 (in Russian).

Amenta E. (2014) How to analyze the influence of movements. *Contemporary sociology: A journal of reviews*, 43(1): 16–29.

Amenta E., Caren N., Chiarello E., Su Y. (2010) The political consequences of social movements. *Annual Review of Sociology*, 36(1): 287–307.

Amenta E., Caren N., Olasky S.J. (2005) Age for leisure? Political mediation and the impact of the pension movement on US old-age policy. *American sociological review*, 70(3): 516–538.

Amenta E., Young M.P. (1999) Making an impact: Conceptual and methodological implications of the collective goods criterion. In: Giugni M., McAdam D., Tilly C. (eds.) *How social movements matter*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 10: 22–41.

Anckar C. (2020) The most-similar and most-different systems design in comparative policy analysis. In: Peters B.G., Fontaine G. (eds.) *Handbook of Research Methods and Applications in Comparative Policy Analysis*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing: 33–48.

Applegate J.S. (1998) Beyond the usual suspects: The use of citizens advisory boards in environmental decisionmaking. *Indiana Law Journal*, 73(3): 903–957.

Argenbright R. (2016) *Moscow under construction: City building, place-based protest, and civil society*. Lanham, Maryland: Lexington Books.

Berg-Schlosser D., De Meur G., Ragin C., Rihoux B. (2009) Qualitative Comparative Analysis (QCA) As an Approach. In: B. Rihoux, C. Ragin (eds.) *Configurational Comparative Methods. Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques*. SAGE: 1–18.

Diani M. (1997) Social movements and social capital: a network perspective on movement outcomes. *Mobilization: An International Quarterly*, 2(2): 129–147.

Dundua S., Karaia T., Tabatadze S. (2022) Tbilisi urban social movements: on the verge of success/failure. *European Journal of Transformation Studies*, 10(2): 21–39.

Gamson W.A. (1975) *The Strategy of Social Protest*. Homewood, Illinois: The Dorsey Press.

Giugni M. (2009) Political opportunities: from Tilly to Tilly. *Swiss Political Science Review*, 15(2): 361–367.

Giugni M.G. (1998) Was it worth the effort? The outcomes and consequences of social movements. *Annual review of sociology*, 24(1): 371–393.

Giugni M., McAdam D., Tilly C. (eds.) (1999) *How social movements matter. Volume 10*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Giugni M. (2007) Useless protest? A time-series analysis of the policy outcomes of ecology, antinuclear, and peace movements in the United States, 1977–1995. *Mobilization: An International Quarterly*, 12(1): 53–77.

Hammami F., Uzer E. (eds.) (2022) *Theorizing Heritage through Non-Violent Resistance. Palgrave Studies in Cultural Heritage and Conflict*. Cham: Palgrave Macmillan.

Jasper J.M. (2010) Cultural Approaches in the Sociology of Social Movements. In: Klandermans B., Roggeband C. (eds.) *Handbook of Social Movements Across Disciplines*. New York: Springer: 59–101.

Jones T., Mozaffari A., Jasper J.M. (2017) Heritage contests: what can we learn from social movements? *Heritage & Society*, 10(1): 1–25.

Lebuhn H. (2015) Urban social movements between protest and participation. RC21 *International Conference on “The Ideal City: between myth and reality. Representations, policies, contradictions and challenges for tomorrow’s urban life”*, Urbino (Italy), 27–29 August 2015.

Lee A.K.Y. (2016) Heritage conservation and advocacy coalitions: the state-society conflict in the case of the Enning Road redevelopment project in Guangzhou. *International Journal of Heritage Studies*, 22(9): 729–747.

Li Z., Lin Y., Hooimeijer P., Monstadt J. (2024) Heritage conflict evolution: Changing framing strategies and opportunity structures in two heritage district redevelopment projects in China. *Geoforum*, 149: 1–12.

Mayer M., Thörn C., Thörn H. (eds.) (2016) *Urban Uprisings: Challenging the Neoliberal City in Europe*. London: Palgrave Macmillan.

McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (eds.) (1996) *Comparative Perspectives on Social Movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings*. Cambridge: Cambridge University Press.

McAdam D., Sampson R., Weffer S., MacIndoe H. (2005) “There will be fighting in the streets”: The distorting lens of social movement theory. *Mobilization: An International Quarterly*, 10(1): 1–18.

Meskel L. (eds.) (2015) *Global Heritage: A Reader*. Chichester: Wiley Blackwell.

Mozaffari A., Jones T. (eds.) (2020) *Heritage movements in Asia: cultural heritage activism, politics, and identity*. New York: Berghahn Books.

Ragin C. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.

Rihoux B., De Meur G. (2009) Crisp-set qualitative comparative analysis (csQCA). In: B. Rihoux, C. Ragin (eds.) *Configurational Comparative Methods. Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques*. SAGE: 34–35.

Roura-Expósito J. (2023) A rampant heritage? Problematising heritage activism through the Casa del Pumarejo social movement. *International Journal of Heritage Studies*, 29(3): 220–238.

Schneider C.Q., Wagemann C. (2012) *Set-theoretic methods for the social sciences: A guide to qualitative comparative analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Smith L. (2006) *Uses of Heritage*. London: Routledge.

Tilly C., Wood L.J. (2015) *Social Movements, 1768–2012*. New York: Routledge.

Uprety S., Shrestha B. (2021) Role of Heritage Activism in Post-Disaster Reconstruction. *Journal of Disaster Research*, 16(2): 194–200.

A FORMULA FOR VICTORY OR A RECIPE FOR FAILURE: WHAT DETERMINES THE EFFECTIVENESS OF CIVIC PARTICIPATION IN THE PROTECTION OF HISTORICAL SITES IN RUSSIAN CITIES?

Kirill Shamshura (kirillshamshura@gmail.com)

HSE University — Saint Petersburg, Russia

Citation: Shamshura K. (2026) A formula for victory or a recipe for failure: What determines the effectiveness of civic participation in the protection of historical sites in Russian cities? *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(2): 170–204 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.2.7> EDN: DIXEYY

Abstract. The article examines the conditions that influence the outcomes of civic participation in the protection of historical sites in Russian cities. It is based on the political opportunity structure theory, which suggests that structural conditions that shape the political opportunity structure have the greatest impact on the outcome of collective action. Drawing on the literature on social movements and urban conflicts, a set of nine conditions that can influence the outcomes of civic participation was formulated. Six conditions were classified as structural conditions. The other three conditions were classified as agency conditions. All conditions were tested through a qualitative comparative analysis of 52 cases of protecting historical sites from three cities — St. Petersburg, Veliky Novgorod and Pskov. Data on these cases were obtained from 25 interviews with activists and experts, publications in the media and activist communities on social networks. The analysis showed that different combinations of conditions influence the outcomes of civic participation, including those combining structural and agency conditions. A hierarchy of conditions was found in which structural conditions are more important, but agency conditions can also have a significant impact on outcomes. The most important structural conditions for activist success are: 1) the absence of a coalition between government and business; 2) the protected status of historical sites; 3) the presence of allies of the activists in the regional elites; 4) the absence of influential opponents. The most important agency condition is the ability of activists to form coalitions and maintain a high level of coordination of actions.

Keywords: activism, civic participation, urban conflicts, urban social movements, cultural heritage.